

Максим Меламуд

Третья от яркой звезды

https://litres.ru/74755682
SelfPub; 2026

Аннотация

Научно-фантастическая притча о том, как люди создают богов, а потом убивают друг друга во имя их учений.

Максим Меламуд
Третья от яркой звезды

ТРЕТЬЯ ОТ ЯРКОЙ ЗВЕЗДЫ

Научно-фантастическая притча о том, как люди создают богов, а потом убивают друг друга во имя их учений.

1. Последний ребёнок

Первым умер ребёнок.

Потом второй. Через месяц погибли ещё семнадцать. Через год на четырёх планетах нашей системы не родилось ни одного здорового младенца.

Сначала учёные говорили об эпидемии. Потом — о генетической мутации. Затем начали обвинять окружающую среду. Мы проверили воду, воздух, пищу, радиационный фон. Переписали генетические последовательности, создали тысячи искусственных матриц, научились выращивать органы и восстанавливать повреждённый мозг.

Ничего не помогало.

Эмбрионы погибали на ранних сроках. Иногда рождались дети, которым хватало нескольких минут, чтобы умереть.

Я руководил последней лабораторией репродуктивных матриц. В день, когда Совет Планет приказал закрыть её, за прозрачной стеной стояли двенадцать инкубаторов. В одиннадцати уже погасли индикаторы. В двенадцатом ещё тепли-

лась жизнь.

Крошечное существо шевелило пальцами.

— Подпишите, доктор Гоб, — сказал представитель Совета. — Финансировать больше нечего.

— Дайте нам ещё месяц.

— Вы просите его третий год.

— Мы близки к решению.

— Вы говорили это год назад.

Я смотрел на инкубатор. Существо открыло глаза, словно почувствовало моё присутствие.

— А если это последний ребёнок? — спросил я.

Представитель Совета помолчал.

— Тогда тем более нет смысла тратить ресурсы.

Я подписал приказ.

Через несколько секунд инкубатор погас.

Мне было тридцать лет. Я прожил ещё сто тридцать, но так и не смог простить себе эту подпись. Возможно, лабораторию всё равно пришлось бы закрыть. Возможно, ребёнок умер бы через минуту. Однако я даже не попытался бороться.

Это оказалось страшнее самой смерти.

Через десять лет исчезли детские сады. Через двадцать — школы. Через шестьдесят самому молодому жителю наших планет исполнилось шестьдесят. Потом перестали отмечать дни рождения.

Мы умели продлевать жизнь на столетия. Машины ремон-

тировали машины, фабрики производили пищу, искусственный разум управлял городами. Люди работали, торговали, спорили о политике и смотрели развлекательные передачи. Правители обещали реформы.

Цивилизация продолжала жить, словно не замечала, что умирает.

Однажды я спустился в заброшенный детский сад. На стене сохранился рисунок: жёлтое солнце, зелёный дом и три человечка, державшиеся за руки.

Я не знал, кто его нарисовал. Архивы с именами погибли.

Я сел на пол.

— Простите нас, — прошептал я.

Никто не ответил.

Тогда я ещё не знал, что через три столетия услышу голос целой планеты. И что этот голос будет просить прощения у меня.

2. Третья от Яркой Звезды

Последнее заседание Совета Планет длилось девятнадцать часов.

Предлагали заморозить население, перенести сознания в цифровые хранилища, отправить автоматические станции к далёким звёздам. Мы искали не спасение, а способ отложить признание поражения.

И тогда старый архивариус положил на стол повреждённый накопитель.

— Есть ещё один вариант. Экспедиция «Гелиос».

Тысячи лет назад наши предки отправили корабли к звёздам. Они искали планету, пригодную для жизни. Судя по обрывкам данных, нашли её. Затем начались войны, катастрофы, Великий Распад. Координаты потеряли, архивы уничтожили.

Осталась одна строка:

«Третья от Яркой Звезды».

Десятилетиями наши ретрансляторы посылали запросы в пустоту. Ответа не было.

А потом однажды ночью я услышал сигнал.

Два коротких импульса. Пауза. Один длинный. Тишина.

Через одиннадцать часов последовательность повторилась.

Я расшифровывал её несколько месяцев. Когда наконец появилась модель звёздной системы, я позвал Халу.

Он вошёл, взглянул на экран и замер.

— Это действительно она?

— Жёлтая звезда. Третья планета. Кислородная атмосфера, жидкая вода, океаны, леса. На орбите древние ретрансляторы.

— Жизнь?

— По всем признакам.

Хала долго молчал.

— Значит, мы не последние.

В его голосе прозвучала такая надежда, что я впервые за много лет испугался её потерять.

Совет утвердил экспедицию из трёх кораблей. По сто человек на каждом: инженеры, учёные, военные, генетики. Командование разделили между мной, Халой и Адубом.

Хала верил в разум. Он считал, что любую проблему можно разобрать на части и решить.

Адуб верил в силу. Он полагал, что цивилизация выживает лишь тогда, когда умеет защищаться.

Я верил в знания. Мне казалось, что знание и есть единственная защита от ошибок.

Но у нас была ещё одна тайна.

В секретной лаборатории проекта «ЭКО-Примат» росли трое существ, созданных из восстановленного генетического материала наших древнейших предков. Они не были совсем людьми, но и лабораторными организмами их назвать уже нельзя было.

Канфу, Крис и Мух.

Канфу с детства стремился к порядку. Он выстраивал предметы по неизвестным нам правилам и требовал, чтобы каждый поступок имел объяснение.

Крис задавал вопросы, на которые взрослые не хотели отвечать. Он мог часами сидеть рядом с больным животным, а однажды отказался уходить от умирающего техника, хотя тот был ему совершенно чужим.

Мух почти не говорил. Он слушал людей так внимательно, что рядом с ним даже самые разговорчивые начинали подбирать слова.

Перед стартом Крис остановил меня в коридоре.

— Гоб, а если на той планете нас не захотят видеть?

— Постараемся договориться.

— А если не получится?

— Будем искать другой путь.

Он посмотрел на меня.

— Ты всегда так говоришь, когда не знаешь ответа.

Я хотел рассердиться, но вместо этого присел перед ним.

— А как поступил бы ты?

— Сначала спросил бы, почему они не хотят нас видеть.

— А если ответ тебе не понравится?

— Это не значит, что он неправильный.

На следующий день мы покинули родную систему.

Позади осталась цивилизация, которая научилась продлевать жизнь, но разучилась её создавать.

Впереди ждала планета, на которой нас, возможно, уже давно кто-то ждал.

3. Голоса под кожей космоса

На шестой день полёта сигнал изменился.

Его фиксировали не только радиоприёмники, но и датчики вибрации корпуса, навигационные системы, медицинские приборы. Все три корабля реагировали одинаково.

Хала назвал это неизвестным электромагнитным воздействием. Адуб потребовал перевести вооружение в боевой режим.

А потом начали меняться дети.

Канфу третий час подряд рисовал три пересекающихся круга. Когда Хала спросил, откуда он знает этот знак, мальчик ответил:

— Я не знаю. Я его вспоминаю.

Крис проснулся среди ночи и потребовал остановить корабль.

— Нас зовут, — сказал он Адубу.

— Кто?

— Те, кто остался.

Адуб приказал изолировать его в медицинском отсеке.

А Мух сидел у моего иллюминатора, когда я вошёл в лабораторию. Его сердце билось в ритме сигнала.

— Ты слышишь меня? — спросил я.

— Да.

— Что происходит?

— Они узнали нас.

— Кто?

— Те, кто ждал последнего ребёнка.

Я вызвал Халу.

— Нам нужно поговорить.

— Гоб, я уже изучил результаты обследования. Сознания троих синхронизируются. Это невозможно.

— Они говорят о последнем ребёнке.

Хала побледнел.

— Мы должны развернуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.